

тор вводит бытовые сцены и элементы комизма, сочетает их с подробностями функционирования телесного «низа». Данные черты роднят Ленгланда с народной культурой Средневековья.

Библиографические ссылки

1. *Ленгленд У.* Видение Уильяма о Петре Пахаре / Уильям Ленгленд // Видение Уильяма о Петре Пахаре / пер. Д. М. Петрушевского. – Л. : Из-во АН СССР, 1941. – 276 с.
2. *Никола М. И.* «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгланда. Своеобразие жанра / Марина Никола // Метод и жанр в зарубежной литературе. – М. : МГПИ, 1979. – Вып. 4. – С. 38–48.
3. *Привалова Л. П.* Иконография образа Гордыни в поэме Э. Спенсера «Королева фей» / Людмила Привалова // Матеріали міжвуз. конф. «Від бароко до постмодернізму». – Д. : ДДУ, 2000. – С. 24–27.
4. *Brooks-Davies D.* Spenser's Faerie Queene. A Critical Commentary on Books I and II / Douglas Brooks-Davies // Spenser's Faerie Queene. A Critical Commentary on Books I and II. – Manchester : Manchester University Press ND, 1977. – 198 p.
5. *Hamilton A. C.* The Spenser Encyclopaedia [Electronic resource] / A. C. Hamilton // The Spenser Encyclopaedia. – L. : Routledge, 2006. – 2358 p. – Access mode: <http://www.ccebook.org/preview/0415056373/The-Spenser-Encyclopedia>.
6. Spenser's Faerie Queene. Book I: the Legend of the Redcross Knight or of Holiness / ed. by G. Wauchope. – L. : Review of Reviews Office, 1906. – 60 p.

Надійшла до редколегії 22.03.2012 р.

УДК 821.161.1:801

Е. А. Ляшенко

Криворожская специализированная школа № 9

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XV–XVIII ВЕКОВ

Розглянуто особливості формування жіночих образів у російській літературі від часів середньовіччя до XVIII ст. Жіночий образ змінювався, розвивався і складався впродовж тривалого часу під впливом багатьох чинників. Давньоруська література відображає статичні, однолінійно прописані жіночі образи. Для жіночих образів XVI ст. характерний вияв терпимості, схильності до компромісу. У літературі XVII ст. переважає ставлення до жінки як до втілення різноманітних негативних рис. Повість XVIII ст. вперше зображує психологію жінки в протиріччях її різноманітних емоцій.

Ключові слова: жіночий образ, давньоруська література, особливості формування, розвиток, історична епоха.

Рассмотрены особенности формирования женских образов в русской литературе со времен средневековья до XVIII в. Женский образ видоизменялся, развивался и создавался в течение длительного времени под влиянием множества факторов. Древнерусская литература отображает статичные, однолинейно прописанные женские образы. В XVI в. для женского образа характерно проявление терпимости, способности к компромиссу. В литературе XVII в. преобладает отношение к женщине как к воплощению разнообразных отрицательных черт. Повесть XVIII в. впервые изображает психологию женщины в противоречивости ее разнообразных эмоций.

Ключевые слова: женский образ, древнерусская литература, особенности формирования, развитие, историческая эпоха.

In this article considered features of forming of woman characters in Russian literature from times of middle ages to XVIII of century Woman character changed, developed and folded during great while under influence of great number of factors. Old Russian literature represents static, однолинейно the prescribed woman characters. In XVI of century for woman character the display of tolerance, capacities, is characteristic for a compromise. In literature of the XVII century attitude prevails toward a woman as to embodiment of various negative lines. The story of XVIII of century first represents psychology of woman in contradictions of her various emotions.

Key words: woman character, Old Russian literature, forming features, development, historical epoch.

Активизация научного интереса к жизни личности, процессам интенсивной феминизации во всех сферах современного социума убеждают нас в целесообразности исторической реконструкции женского образа в культуре. Почти исключительно «мужской» мир сегодня в значительной мере становится «женским». Это во многом обусловило развитие гендерных исследований. Ю. М. Лотман очень точно заметил: «Характер женщины можно назвать одним из самых чутких барометров общественной жизни» [7, с. 142].

Отношение к женщине в литературе связано, как правило, с культурной эпохой. Женский образ менялся, развивался и формировался в течение длительного времени. Русская женщина наделена богатой и трепетной женской природой. И. А. Ильин указывал: «Проходя определенный этап становления, женский характер формировался и изменялся под влиянием множества факторов. Современное признание женщины символом русской культуры, в частности классической русской литературы, является очевидным» [5, с. 175–177].

Однако изучение специфики образов женских персонажей в русской литературе, начиная с древнерусских памятников вплоть до XVIII века, занимало эпизодическое место в рамках исследования отдельного произведения или творчества отдельного автора. Актуальность исследования объясняется необходимостью рассмотрения особенностей создания женского образа в русской литературе со времен средневековья до XVIII века: что в него вкладывалось, какие ценности тем самым утверждались в общественном сознании.

Исследовательская традиция дала многогранное осмысление проблемы анализа женских характеров в русской литературе указанного периода. Немногочисленные образы, представленные в житийной литературе Древней Руси, исследованы в работах Г. П. Федотова, Ф. И. Буслаева; вопрос о канонизации женщин рассматривали Ф. И. Буслаев, Т. Р. Руди. Р. П. Дмитриевой проведены текстологические исследования древнерусских литературных памятников. Фундаментальное исследование «Повести о Петре и Февронии» представлено в работах Н. С. Демковой, Д. С. Лихачева. Вопросы женского христианского призвания – служить миру – рассмотрены В. И. Костылевым, Г. П. Федотовым. Многоаспектный анализ женских образов в историческом контексте представлен исследованиями М. Ю. Лотмана.

Целью данной работы является рассмотрение становления женских образов в русской литературе со времен средневековья до XVIII века.

Поставленная цель обусловила последовательное решение ряда конкретных задач: проследить эволюцию разных сторон женского характера в литературных источниках, относящихся к историческому периоду, обозначенному рамками темы статьи; выявить особенности изменения, развития и становления женских образов на основе данного литературного материала.

В общественном сознании сложился некий идеальный образ русской женщины. «С незапамятных времен, – отмечал в свое время И. А. Ильин, – русскую женщину изображают как существо чувствительное, сострадательное, сердечное,

целомудренное, робкое, с глубокими религиозными убеждениями, упорным терпением и, в известной мере, подчиненной мужчине. Она любит, она служит, она страдает, она уступает» [5, с. 210–211]. Так или иначе, но женские персонажи конструировались с оглядкой на этот образец. Особенно это заметно в древнерусской литературе.

Авторы древнерусских литературных памятников вплоть до середины XVII века старались показать людей такими, какими они должны быть (с точки зрения религиозной морали); источников же, показывающих людей такими, какими они были в действительности, отражающих детали их внутреннего мира, раскрывающих побуждения к поступкам, колебания, сомнения и другие настроения, почти не сохранилось. Женские образы рассматривались в контексте супружеских отношений: невеста, жена, вдова.

В зависимости от жизненной ситуации женщине предписывались определенные правила поведения. Древнерусская светская и церковная литература в образах «доброй» и «злой» жен, «предельных» в своей «положительности» и «отрицательности», отразила с известной условностью пути изменения нормы и, как следствие этого, превращения отвергаемого поведения сначала в условно принимаемое, а затем в признаваемое. Переход от статичных, вневозрастных, однохарактерных в своей благостности или, напротив, порочности женских образов к сложным, эмоциональным, неоднозначным, а порой и страстным натурам литературы XVI и особенно XVII века осуществлялся под влиянием тех изменений и процессов, которые происходили в «женской истории». Умонастроения людей, их воззрения на частную жизнь своих «подружий», «лад», «супружниц» прошли в X–XVII веках эволюцию от осуждения богатого мира женских чувств к его постепенному признанию. И литературный материал – как светский, так и церковный – отразил эти трансформации («Повесть о семи мудрецах», «Притча о старом муже и молодой девице», «Повесть о Еруслане Лазаревиче») [11, с. 28–76].

К XVI веку совершенно смолкает женское слово в литературе. Принимая во внимание мнение академика Д. С. Лихачева – «никогда еще литература не играла такой огромной роли в формировании действительности, как в XVI веке», – это можно считать важным симптомом того, что положение женщины становится более зависимым и бесправным [8, с. 159]. «Домострой» строго очерчивает права и свободу женщины. Здесь, в доме, в «частной» сфере женщина оказалась подчиненной мужскому авторитету, стала объектом власти мужа. На первый взгляд может показаться, что автор помещает женщину в центр отношений, но это лишь первое впечатление. Цель автора – дать рецепт контроля за этим «центром», что осуществляется: 1) через контроль доходов и денежных сумм; 2) через подчинение себе, а не жене ключника-домоуправителя; 3) через лишение женщины права принимать самостоятельные решения: «По все дни жене с мужем о всем спрашиватися и советовати во всем: и как в люди ходити, и к себе призывати, и с гостьями что беседовати» [4, с. 28]; 4) через присвоение мужской половине дома права вмешиваться в области, традиционно принадлежавшие женской половине (воспитание детей, контроль над продуктами питания, женскими рукоделиями и т. п.). В модели «Домостроя» царь отвечает за всю страну разом, а хозяин дома, глава семьи – за всех домочадцев и их грехи; почему и появляется нужда в тотальном вертикальном контроле за их действиями. Вышестоящий при этом имеет право карать нижестоящего за нарушение порядка или нелояльность к его власти.

Таким образом, по «Домострою», главными чертами женского характера являются терпимость, покорность, способность к компромиссу. Женщина подчинена мужчине, который ограничивает ее права и свободу. Женский образ статичен и изображается однолинейно.

Однако можно ли сказать, что отношения мужей и жен допетровского времени исчерпывались лишь чувствами злобы и соперничества, мести и желания властвовать, гнева и досады? Разумеется, нет. Но несомненно, что от женщин – если судить по литературе и другим письменным памятникам допетровского времени («Повесть о Горе-Злочастии»), – в большей мере ожидалось высоконравственное, благочестивое поведение, причем его им следовало являть как природную данность [11, с. 98]. В то же время мужчинам было позволительно прийти к признанию традиционных норм морали ценой тяжелых ошибок и жизненных заблуждений («Повесть о Савве Грудцыне») [11, с. 315]. Поэтому женщины в русской литературе XVII века практически никогда не изображались путешествующими, обретающими жизненный опыт вне дома, «выпрямляющими» свою душу в борениях и соблазнах многокрасочного и разноязыкого мира. Даже в XVII веке героини литературных произведений неизменно пребывали дома и в состоянии ожидания выработывали в себе необходимые нравственные качества (или, напротив, использовали «соломенное вдовство» в своих интересах). Мужчинам же было позволительно странствовать и таким образом набираться ума и опыта, в том числе морального.

Однако если в литературе рубежа XVI – начала XVII века разум женщины воспринимался как основа истинной супружеской любви, то в памятниках середины и второй половины XVII века можно усмотреть впервые поставленный вопрос о возможности конфликта в душевном мире женщины между страстью и разумом, от которого была далека, например, слезливо-идеальная в своей бесстрастности Феврония («Повесть о Петре и Февронии») [11, с. 285].

Религиозная модель русского мира формировала особое отношение к женщине. Изначальная ее греховность (Ева как причина грехопадения), пагубность «греховных помыслов», виновниками которых оказывались женщины, становилась одной из ведущих тем в творчестве Симеона Полоцкого.

Темы для своих произведений Полоцкий черпал как из истории античного мира, так и из истории западноевропейского средневековья. Примечательно, что во многих случаях Полоцкий описывает отношения героев в трагическом плане. Таков рассказ о лонгобардской королеве Розамунде. Когда ее муж убил своего тестя (и отца Розамунды), она подвигла своего любовника на убийство мужа, но затем и сама была отравлена – «погубившая краля сама исчезоста». Весьма охотно пересказывал Полоцкий и легенду о Семирамиде, любовнице царя Нина, обезглавившей своего супруга и обманом занявшей его престол (стихотворение «Жена») [10, с. 24]. Найдем мы у Полоцкого и пересказ сюжета о коварном убийстве шотландского короля Кемефа его женой Фенеллой: для этого она использовала отравленное яблоко («Жена блудная») и т. д. [10, с. 34]. Во всех этих и многих других стихотворениях носительницей измены и зла неизменно выступала женщина, а главным орудием ее было прелюбодеяние. Не обошел Полоцкий и традиционную для древнерусской литературы тему «злой жены», которая отвлекает мужчин от «небесной сладости», предлагая взамен сладость телесную: это стихотворения «Адам много согрешил» [10, с. 75], «Гонение» [10, с. 63], «Плоти укрощение» [10, с. 94], «Плоть» [10, с. 132], «Грех» [10, с. 173], «Жена злая» [10, с. 204] и др. Ссылаясь на греческого философа Эпикура и писателя Феобраста, Полоцкий говорит, что жена запросто может разорить мужа «многими потребями» – пышными одежаниями, украшениями и прочее.

Весьма интересно стихотворение «Вдовство» – в нем дается не просто характеристика овдовевшей женщины, а пристрастная оценка с точки зрения предъявляемых к ней требований со стороны общества. Сам «закон естества», пишет Полоцкий, поучает вдову избегать сладостной жизни, не заглядываться на молодых юношей и дев. Автор осуждает тех вдов, которые вторично выходят замуж, он

требует от них жить уединенно, не носить «красных риз» не устраивать пиров с музыкой, не румянить щек, не чернить бровей и т. д. Жилище вдовы должно быть подобно церкви, все дни она должна проводить в трудах «с честными вдовами» и «чистыми девами» – только тогда она сохранит в целости свое вдовство и получит вознаграждение на небе.

Желая осудить златолюбие, Полоцкий приводит рассказ о жене галльского короля Бренна, которая была наказана за свое безудержное «златолюбие» тем, что ее, по приказу короля, погребли под грудой золота. Для устрашения и воспитания своих читателей Полоцкий использует и традиционную для византийской и древнерусской литературы тему Страшного Суда – таковы его стихотворения «Суд» [10, с. 233], «Страх на Суде» [10, с. 257], «Судия жестокий» [10, с. 274] и др.

Женщина в произведениях Симеона Полоцкого – это чаще всего «дьявольский сосуд», носительница зла и воплощение греховности. Женщины в его трактовке настырны в своих требованиях, ревнивы, настойчивы, болтливы, сварливы, завистливы и т. д. Следовательно, женский образ представлен Полоцким как символ различных отрицательных черт.

Повесть XVIII века впервые рассматривает психологию женщины в противоречиях ее разнообразных эмоций. Новой чертой мирозерцания является иной взгляд на женщину, которая рассматривается уже не как воплощение добродетели или злая искушительница, «сосуд дьявола», а как индивидуальность.

Изменение вектора общественного развития, связанное в первую очередь с реформами Петра, высвободило личность. Самосознание личности уже не столь жестко регламентировалось религиозными канонами. Это касалось в первую очередь мужчин, но и женщина стала свободнее. У нее появилось право на самостоятельность.

Фрагмент произведения «Повесть об Александре, российском дворянине» – разговор трех вельмож о женщинах – иллюстрирует ряд черт, характеризующих мировоззрение начала XVIII в. Прусский барон Старк, гдатцкий барон Фояр и саксонский дворянин Силберстен рассуждают о женщинах. Барон Фояр резко осуждает новые нравы, порицает свободу обращения женщин, обвиняет их в коварстве и корыстолюбии, ибо «несть конца непостоянству и злости злых жен: по всех злостях, злостию превосходит, страм, стыд, поношение, злоречие ни во что вменяют, едиными амурами веселятся» [11, с. 406]. Вообще, по его мнению, нет женщины, которая не была бы распутной. Другие его собеседники думают по-другому. По их мнению, естественно, что женщина любит быть в общественных местах, танцевать, хорошо одеваться, умеет остроумно отвечать на шутки и комплименты. «Неужели политика всех европейских стран, которые за великие деньги учатся, лепообразным женам непристойна?» – спрашивает Силберстен [11, с. 418]. Он утверждает далее, что большая часть нападок на женщин происходит потому, что они теперь свободны в выборе возлюбленного, и мужчины, потерпевшие неудачу, клеветают на них. Силберстен напоминает Фояру: «Сколько твоего было ходатайства и старания за придворною дамою Шарлоттою?» [11, с. 421].

В этом разговоре автор повести сохранил отзвуки споров петровского времени, когда русская женщина вышла впервые из терема и узкого семейного круга на шумные многочисленные ассамблеи.

В отношениях к женщине герои обнаруживают даже элементы куртуазности, «учтивства». Это также совершенно новая черта. Но в героях повести, наряду с галантностью и чувствительностью, подчеркивается грубый цинизм и жестокость – сочетание, характерное для поведения того времени.

Следует обратить внимание на роман М. Д. Чулкова «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины», который в своей жанровой модели соединяет традицию авантюрно-плутовского романа-путешествия с традицией психо-

логического романа. Уже в самом начале произведения задана его принципиально новая эстетическая ориентация: не столько оценить женский характер как добродетельный или порочный, сколько объяснить его, показав причины, которые влияют на его становление и формирование.

Исходный этап в биографии Мартоны отнесен к петровской эпохе, и это заставляет увидеть в характере инициативной, деятельной и плутоватой героини некий отблеск общего оживления индивидуальной инициативы, которым была ознаменована эпоха государственных преобразований.

История героини-авантюристки окружена плотным ореолом бытописательных мотивов еды, одежды и денег, которые сопровождают буквально каждый сюжетный перелом романа и поворот судьбы героини; перепады от несчастья к благополучию и обратно неукоснительно вызывают к жизни эти низменные и сатирические по генезису мотивы.

Демонстративный отказ от моральных оценок и стремление к объективности образа, объединяющие авторскую позицию Чулкова, который отдал самой героине повествование о ее бурной жизни и сомнительной профессии, с позицией героини, которая называет вещи своими именами на протяжении всего повествования, представляет женский образ в совершенно новом свете.

Подобная позиция, новая сама по себе, должна была восприниматься еще более остро из-за того, что и героиня, и история ее жизни были для русской литературы небывалым явлением. Женщина легкого поведения и окружающие ее мелкие дворяне, судейские чиновники-взяточники, воры, мошенники и плуты — таких героев до Чулкова русская литература еще не видела, во всяком случае в национальном романе. Стремление писателя не моделировать, а отражать жизнь в произведении, не оценивать, а объяснять характер определило коренные постулаты, которым подчинено повествование «развратной женщины» о ее жизненном пути. Прежде всего это идея подвижности, текучести, изменчивости жизни и соответствующая ей идея непрекращающейся эволюции характера.

Жизненная позиция Мартоны скорее пассивна, нежели активна: при всей своей деятельной инициативности героиня Чулкова способна строить свою судьбу лишь до некоторой степени, она слишком зависит от обстоятельств, к которым вынуждена приспосабливаться, чтобы отстоять свою индивидуальную частную жизнь в борьбе с судьбой и случаем. Вся биография Мартоны в социальном смысле выстроена как непрерывная цепь падений и взлетов, перемен от бедности к богатству и обратно, причем все эти перемены происходят отнюдь не по желанию героини, а помимо него.

Из этих сопоставлений, которые никак не подчеркнуты Чулковым в его романе, но целиком отданы вниманию и вдумчивости читателя, выясняется общее направление нравственной эволюции героини: если ее событийная биография представляет собой хаотическое скитание по воле обстоятельств, судьбы и случая, то духовный путь Мартоны направлен в сторону роста и нравственного совершенствования. Так динамичная картина мира в романе Чулкова дополняется динамичной духовной жизнью героини, жанровая модель авантюрного романа приключений и странствий соединяется с моделью романа — воспитания чувств.

Однако с точки зрения эстетической и, что для писателя XVIII в. не менее, а может быть, и более важно, — дидактической, в романе «Пригожая повариха» все самое главное уже произошло. Очевидно, что Мартона изменилась, причем изменилась в лучшую сторону, и женщина-писатель — это уже совершенно другой человек, с высоты своего жизненного опыта способный объективно понять и описать себя самого, несмотря на все заблуждения своей трудной и бурной молодости. Чулков рисует образ женщины, которая способна самосовершенствоваться и ди-

намически развиваться, накапливать жизненный опыт, критически оценивая прошлое.

Мировоззрение каждой из эпох формирует особый тип женского характера. Древнерусская литература отображает статичные, однолинейно прописанные женские образы, однохарактерные в своей благостности или порочности.

Права и свободы женщины XVI в. строго ограничены. Женщина подчинена мужскому авторитету. Для женских образов характерно проявление терпимости, способности к компромиссу.

В русской литературе более позднего периода (XVII в.) преобладает отношение к женщине как к воплощению различных отрицательных черт. В повести XVIII в. впервые уделяется внимание психологии женщины. Новая черта – взгляд на нее не как на воплощение добродетели или зла, а как на индивидуальность.

Эпоха Просвещения впервые во многом уравнивает мужской и женский характеры, наделяя женщину самостоятельностью, целостностью, способностью самосовершенствоваться.

Таким образом, схема развития женского образа выстраивается от «второстепенности» женщины к действующей героине.

Рассмотрение эволюции внутреннего мира женщины, как главной героини литературного произведения, может быть продолжено в контексте сентименталистской эстетики.

Библиографические ссылки

1. Буслаев Ф. И. О литературе: исследования, статьи / Ф. И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1990. – С. 132–164.
2. Демкова Н. С. Средневековая русская литература: поэтика и интерпретации / Н. С. Демкова. – СПб. : Наука, 1997. – 268 с.
3. Дмитриева Р. П. Древнерусская повесть о Петре и Февронии: современные записи фольклорных рассказов / Р. П. Дмитриева // Рус. лит. – 1974. – № 4. – С. 90–99.
4. Домострой. – СПб. : Эксмо, 2009. – 544 с.
5. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. – М. : Мысль, 1995. – Т. 2. – 357 с.
6. Костылев В. И. Кузьма Минин : роман / В. И. Костылев. – М. : ВАП, 1993. – 334 с.
7. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси / Д. С. Лихачев // Избр. работы : в 3 т. – Л. : Наука, 1987. – Т. 3. – 253 с.
8. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства (XVIII – начало XIX в.) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 1994. – 299 с.
9. Полоцкий С. Вертоград многоцветный / С. Полоцкий. – М. : Мысль, 1994. – 379 с.
10. Руди Т. Р. Праведные жены Древней Руси / Т. Р. Руди // Рус. лит. – 2001. – № 3. – С. 84–92.
11. Слово Древней Руси / сост. О. В. Гладкова. – М. : Панорама, 2000. – 497 с.
12. Чулков М. Д. Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины / М. Д. Чулков. – М. : Панорама, 2007. – 512 с.

Надійшла до редколегії 22.03.2012 р.